

Т.О. Маколей

Полное собрание сочинений

Том 5. Критические и исторические опыты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т.О. Маколей**
Полное собрание сочинений: Том 5. Критические и исторические опыты / Т.О. Маколей – М.: Книга по Требованию, 2024. – 312 с.

ISBN 978-5-518-06768-4

Издание Николая Тиблена

ISBN 978-5-518-06768-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

М-МЕ Д'АРБЛЭ.

(Январь, 1843).

«Diary and Letters of Madame D'Arblay», Five vols. 8-vo. London, 1842.

«Дневникъ и Письма м-ме Д'Арблэ» Пять томовъ. 8-во Лондонъ. 1842.

Хотя свѣтъ мало слышалъ о м-ме Д'Арблэ въ послѣднія сорокъ лѣтъ ея жизни, и хотя это малое не увеличило ея славы, но, мы думаемъ, многіе почувствовали странное волненіе, узнавши, что ея не стало среди насъ. Вѣсть о ея смерти разомъ перенесла умы людей за два поколѣнія назадъ, ко времени, когда приобѣтались ея первые литературные успѣхи. Всѣ тѣ, кого мы привыкли почитать какъ умственныхъ патріарховъ, казались дѣтьми въ сравненіи съ нею, потому что еще Боркъ просиживалъ ночи за чтеніемъ ея сочиненій, а Джонсонъ ставилъ ее выше Фильдингга еще въ то время, какъ Роджерсъ былъ школьникомъ, а Соутъ ходилъ въ курточкѣ. Но еще страннѣе кажется, что мы только теперь потеряли ту, имя которой пользовалось обширною извѣстностью прежде, чѣмъ кто-либо слышалъ о знаменитыхъ людяхъ. лѣтъ 20 — 30 тому назадъ унесенныхъ въ могилу послѣ долгой и блестящей карьеры. Однако такъ было дѣло. Франсизъ Борви стояла на вершинѣ своей славы и популярности, прежде чѣмъ Коупегъ издалъ свой первый томъ, прежде чѣмъ Порсонъ поступилъ въ коллегію, прежде чѣмъ Питтъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ, прежде чѣмъ голосъ Эрскина раздался въ Вестминстерской залѣ. Со времени появленія ея первой книги прошло шестьдесятъ-два года, и этотъ промежутокъ былъ наполненъ не только политическими, но и умственными революціями. Въ продолженіе

этого періода возникли, разцвѣли, завяли и исчезли тысячи репутацій. Новые роды сочиненій вошли въ моду, вышли изъ моды, были осмѣяны, были забыты. Нелѣпыя произведенія Делла Красска и Коцкву очаровали на время толпу, но не оставили слѣдовъ за собою; ложно направленный творческій умъ не могъ спасти отъ паденія нѣкогда цвѣтуція школы Годвина, Дарвина и Радклиффъ. Многія книги, написанныя съ цѣлью произвести временный эффектъ выдержали шесть или семь изданій, и потомъ присоединились къ романамъ Афры Бэнъ, или къ эпическимъ поэмамъ сэра Ричарда Блакмора. Но первыя произведенія т-ше Д'Арблэ, не смотря на время, на перемѣну вкусовъ и на популярность, достойно заслуженную нѣкоторыми изъ ея соперниковъ, продолжаютъ занимать высокое мѣсто во мнѣніи публики. Она дожила до того, что сдѣлалась классикомъ. Еще при жизни ея, время положило на ея славу ту печать, которую оно рѣдко налагаетъ на кого-либо, кромѣ умершихъ. Подобно сэру Ковди Ракренту въ сказкѣ, она пережила свою собственную тризну и слышала судъ потомства.

Чувствуя постоянно искреннее и теплое, хотя и не слѣпое уваженіе къ ея талантамъ, мы съ радостью узнали, что ея дневникъ скоро появится въ печати. Правда, надежды наши были не безъ примѣси страха. Мы не могли забыть участи «*Мемуаровъ о-ра Борни*», изданныхъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта несчастная книга заключала много интереснаго и любопытнаго. Но она была принята съ крикомъ отвращенія и быстро предана забвенію. Дѣло въ томъ, что она заслуживала свою участь. Она была написана позднѣйшимъ слогомъ т-ше Д'Арблэ, самымъ худшимъ слогомъ когда-либо извѣстнымъ между людьми. Ни творческій умъ, ни познанія не могли спасти отъ паденія книгу, написанную подобнымъ слогомъ. Поэтому, мы съ немалымъ безпокойствомъ открыли «*Дневникъ*», опасаясь наткнуться на ту особеннаго рода реторику, которая обезображиваетъ почти каждую страницу «*Мемуаровъ*» и которую нельзя читать безъ смѣси стыда, смѣха и отвращенія. Вирочемъ, мы, къ удовольствію нашему, скоро открыли, что «*Дневникъ*» писался прежде, чѣмъ т-ше Д'Арблэ сдѣлалась краснорѣчивою. Онъ, по большей части, написанъ слогомъ ранней поры ея дѣятельности, истинно женскимъ, яснымъ, естественнымъ и оживленнымъ англ-

лійскимъ языкомъ. Обѣ книги лежатъ рядомъ передъ нами, и всякій разъ, когда мы обращаемся отъ «*Мемуаровъ*» къ «*Дневнику*» мы испытываемъ чувство облегченія. Разница между ними такъ же велика, какъ разница между атмосферой лавки парфюмера, пропитанной тяжелымъ запахомъ лавандовой воды и жасминнаго мыла, и воздухомъ покрытой верескомъ степи въ прекрасное майское утро. Всѣ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею нашей литературы и нашихъ нравовъ, долженъ просмотрѣть обѣ книги. Но читать «*Дневникъ*»—удовольствіе, читать «*Мемуары*»— всегда будетъ тяжелымъ трудомъ.

Мы, можетъ быть, займемъ нашихъ читателей, если попытаемся, съ помощью этихъ двухъ книгъ, рассказать имъ о самыхъ важныхъ годахъ жизни м-ше Д'Арблѣ.

Она происходила изъ рода, который носилъ имя Макборни и хотя былъ, вѣроятно, ирландскаго происхожденія, но давно уже поселился въ Шропширъ и владѣлъ значительными помѣстьями въ этомъ графствѣ. Къ несчастію, задолго до ея рожденія, Макборни начали какъ-будто умышленно рисковать и раззоряться. Предполагаемый наследникъ м-ръ Джемсъ Макборни оскорбилъ своего отца, тайно обвѣнчавшись съ актрисой изъ Goodman's Fields. Старый джентльменъ не могъ придумать болѣе разсудительнаго способа поразить мщеніемъ своего непокорнаго сына, какъ жениться на кухаркѣ. Кухарка родила сына, по имени Джозефъ, который наследовалъ всѣ родовыя земли, между тѣмъ какъ Джемсъ былъ оставленъ съ однимъ шиллингомъ. Любимый сынъ, однако, былъ до такой степени расточителемъ, что скоро сдѣлался такимъ же бѣднякомъ, какъ его лишенный наследства братъ. Оба принуждены были трудами зарабатывать хлѣбъ. Джозефъ сдѣлался тапцеистеромъ и поселился въ Норфолькѣ. Джемсъ отбросилъ отъ своей фамиліи частичку Макъ и занялся портретной живописью въ Честерѣ. Здѣсь у него родился сынъ Чарльзъ, известный авторъ «*Исторіи музыки*» и отецъ двухъ замѣчательныхъ дѣтей: сына, отличавшагося ученостію, и дочери, творческій умъ которой сообщилъ имени еще болѣе почетное отличіе.

Чарльзъ рано выказалъ склонность къ искусству, котораго позже онъ сдѣлался историкомъ. Его отдали въ ученые къ одному зна-

ментому лондонскому музыканту, и онъ съ успѣхомъ и энергіей предался музыкѣ. Скоро онъ нашелъ добраго и великодушнаго покровителя въ Фулькѣ Гревиллѣ, благородномъ и благовоспитанномъ человѣкѣ, который, кажется, обладалъ въ большихъ размѣрахъ всѣми дарованіями и сумасбродствами, всѣми добродѣтелями и пороками, считавшимися, сто лѣтъ тому назадъ, характеристичными чертами совершеннаго джентльмена. Съ подобнымъ покровителемъ, молодому человѣку предстояла блестящая карьера въ столицѣ. Но его здоровье ослабѣло. Ему стало необходимо удалиться отъ лондонскаго дыма и рѣчныхъ тумановъ на чистый воздухъ морскаго берега. Онъ принялъ мѣсто органаста въ Линнѣ и поселился въ этомъ городѣ съ молодой леди, недавно сдѣлавшейся его женой.

Въ Линнѣ, въ іюнѣ 1752 г., родилась Франсизъ Борни. Ничто въ ея дѣтствѣ не предсказывало, что, будучи еще молодой женщиной, она достигнетъ почетнаго мѣста между англійскими писателями. Она была застѣнчива и молчалива. Ея братья и сестры называли ее неучемъ и не безъ нѣкотораго видимаго основанія, потому что, восьми лѣтъ отъ-роду, она еще не знала азбуки.

Въ 1760 г. м-ръ Борни переѣхалъ изъ Линна въ Лондонъ и нанялъ домъ въ Поландъ-Стритѣ, улицѣ, бывшей въ модѣ во времена королевы Анны, но покинутой съ той поры бѣльшей частью ея богатыхъ и благородныхъ обитателей. Потомъ, онъ переѣхалъ въ Сентъ-Мартинъ-Стритъ на южной сторонѣ Местеръ-Сквера. Его домъ тамъ былъ извѣстенъ и будетъ извѣстенъ, пока на нашемъ островѣ сохранятся какія-нибудь слѣды цивилизаціи, потому что въ немъ жилъ Ньютоуъ, и четвероугольная башенка, отличающая его отъ всѣхъ окружающихъ зданій, была обсерваторіей Ньютона.

М-ръ Борни немедленно приобрѣлъ столько учениковъ въ самыхъ почтенныхъ классахъ общества, сколько позволяло ему время, и такимъ образомъ былъ въ состояніи содержать свое семейство, правда, скромно и умѣренно, но съ комфортомъ и независимостью. Его заслуги, какъ профессора, доставили ему степень доктора музыки Оксфордскаго университета; а его сочиненія о предметахъ, связанныхъ съ его искусствомъ, приобрѣли ему почтенное, хотя конечно не высокое, мѣсто между литераторами.

Развитіе ума Франсизъ Борни съ девятаго до двадцать-пятого

года заслуживаетъ описанія. Ея воспитаніе не перешло за азбуку, когда она лишилась матери и съ тѣхъ поръ она воспитывала себя сама. Ея отецъ былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько могъ имъ быть очень честный, любящій и мягкій человекъ. Онъ вѣжно любилъ свою дочь; но, кажется, ему никогда не приходило въ голову, что отецъ имѣетъ относительно дѣтей еще другія обязанности, кромѣ приголубливанья ихъ. Дѣйствительно, для него было бы невозможно самому наблюдать за ихъ воспитаніемъ. Учительскія занятія отнимали у него весь день. Съ семи часовъ утра, онъ начиналъ ѣздить по ученикамъ, и въ сезонъ, когда вся знать въ городѣ, онъ давалъ иногда уроки до одиннадцати часовъ вечера. Часто ему приходилось носить въ карманѣ жестяной ящикъ съ сандвичами и бутылку воды съ виномъ и обѣдать такимъ образомъ въ наемной каретѣ, спѣша отъ одного ученика къ другому. Двухъ изъ своихъ дочерей онъ отправилъ въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, но вообразилъ, что Франсизъ обратится изъ протестантской вѣры, если получитъ воспитаніе въ католической странѣ, и поэтому оставилъ ее дома. Ей не дали ни гувернантки, ни учителей для языковъ и искусствъ. Но одна изъ ея сестеръ научила ее писать; и, прежде чѣмъ ей минуло четырнадцать лѣтъ, она начала находить удовольствіе въ чтеніи.

Впрочемъ, не чтеніе образовало ея умъ. Когда вышли лучшія ея повѣсти, ея знакомство съ книгами было очень не велико. Находясь на вершинѣ славы, она не была знакома съ самыми знаменитыми твореніями Вольтера и Мольера, и—что кажется удивительнѣе—никогда не слыхала и не видала ни одной строки Чорчилля, который, во времена ея дѣтства, былъ самымъ популярнымъ изъ поэтовъ. Особенно достойно замѣчанія то, что она, кажется, вовсе не читала романовъ. Ея отецъ имѣлъ большую бібліотеку и собралъ такъ много книгъ, которыя строгіе моралисты обыкновенно изгоняютъ. что по собственному признанію чувствовалъ себя не совсѣмъ толко, когда Джонсонъ начиналъ осматривать полки. Но въ цѣлой коллекціи былъ только одинъ романъ—«Амелия» Фвльдинга.

Впрочемъ, во время перехода къ возмужалости, Фанни пользовалась образованіемъ, которое, для большей части дѣвушекъ было бы бесполезно. но подходило къ ея складу ума боль-

ше, чѣмъ утонченное воспитаніе. Великая книга человѣческой природы была открыта передъ ней. Общественное положеніе ея отца было совсѣмъ особенное. По средствамъ и мѣсту, занимаемому имъ, онъ принадлежалъ къ среднему классу. Его дочерямъ, кажется, позволялось свободно сближаться съ тѣми, кого дворецкіе и горничныя называютъ мужиками. Говорятъ, что онѣ имѣли обыкновеніе играть съ дѣтьми парикмахера, жившаго въ сосѣднемъ домѣ. Однако, немногіе аристократы могли собрать въ самыхъ великолѣпныхъ отеляхъ Гросвеноръ-Сквера, или Сентъ-Джемсъ-Сквера, общество столь разнообразное и блестящее, какое встрѣчалось иногда въ комнаткахъ доктора Борни. Его умъ, хотя не очень могучій или обширный, былъ неутомимо дѣятеленъ, и въ досужее отъ уроковъ время онъ сумѣлъ накопить много разнообразныхъ знаній. Его дарованія, кротость характера, и мягкая простота манеръ доставили ему легкій доступъ въ первые литературные кружки. Будучи еще въ Линнѣ, онъ расположилъ къ себѣ Джонсона, съ честнымъ усердіемъ разглашая похвалы англійскому словарю. Въ Лондонѣ оба пріятеля встрѣчались часто и вполне сходились. Правда, въ ихъ взаимной привязанности не доставало одного звѣна. Борни страстно любилъ свое искусство; а Джонсонъ едва умѣлъ отличать колоколъ церкви св. Климента отъ органа. Впрочемъ, у нихъ было много общихъ темъ для разговоровъ, которые въ зимніе вечера продолжались иногда такъ долго, что каминъ потухалъ и свѣчи догорали до конца. Удивленіе Борни къ таланту, произведшему «*Rasselas*» и «*Rambler*», доходило до идолопоклонства. А сварливый Джонсонъ благосклонно бормоталъ, что Борни честный человѣкъ, котораго невозможно не любить.

Гаррикъ тоже былъ частымъ посѣтителемъ Поландъ-Стрита и Сентъ-Мартинъ-Лэна. Эгогъ удивительный актеръ любилъ общество дѣтей, частью изъ добродушія, частью изъ тщеславія. Взрывы веселости и сгрома, которые его жесты и игра лица всегда возбуждали въ дѣтской, льстили ему не менѣе рукоплесканій зрѣлыхъ критиковъ. Онъ часто выказывалъ всю силу мимики для забавы маленькихъ Борни, приводилъ ихъ въ ужасъ, содрогаясь и присѣдая, будто видя привидѣніе, пугалъ, бѣснуясь подобно сумасшедшему въ Сентъ-

Люкѣ, и вслѣдъ за этимъ являлся вдругъ аукціонистомъ, трубочникомъ или старухой, и заставлялъ ихъ хохотать до слезъ.

Но было бы скучно перечислять имена всѣхъ литераторовъ и артистовъ, которыхъ Франсизъ Борни имѣла возможность видѣть и слышать. Кольманъ, Твайнингъ, Гаррисъ, Баретти, Гоксвортъ, Рейнольдзъ, Барри были въ числѣ лицъ, сходившихся порою за чайнымъ столомъ и ужиномъ въ скромномъ жилищѣ ея отца. Это еще не все. Значеніе, которое м-ръ Борни приобрѣлъ, какъ музыкантъ и какъ историкъ музыки, привлекало въ его домъ самые замѣчательные музыкальные таланты того вѣка. Величайшіе итальянскіе пѣвцы, посѣщавшіе Англію, смотрѣли на него, какъ на раздавателя славы въ ихъ искусствѣ и старались приобрѣсти его одобреніе. Пакьеротти сдѣлался его короткимъ пріятелемъ. Алччая Агуджари, не пѣвшая ни для кого меньше пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за арію, пѣла свои лучшія пьесы для д-ра Борни даромъ, и даже надменная и экцентричная Габриелла въ обществѣ доктора Борни принуждала себя къ учтивости. Такимъ образомъ, онъ могъ, почти безъ издержекъ давать концерты, не хуже концертовъ, даваемыхъ аристократами. Въ подобныхъ случаяхъ, въ тихой улицѣ, въ которой онъ жилъ, тѣснились кареты съ гербами, а въ его маленькой гостиной толпились церы, супруги перовъ, министры и посланники. На одномъ вечерѣ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія, присутствовали лордъ Мюльгривъ, лордъ Брюсъ, лордъ и леди Эджкомъ, членъ военнаго министерства лордъ Баррингтонъ, членъ адмиралтейства лордъ Сандвичъ, лордъ Ашборнгамъ, съ своимъ золотымъ, болтавшимся изъ кармана, ключомъ, и французскій посланникъ м. де-Гивъ, извѣстный своей красотой и успѣхами въ волокитствѣ. Но замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этого вечера былъ русскій посланникъ графъ Орловъ, исполненная фигура котораго вся блистала драгоцѣнностями и въ обращеніи котораго, сквозь тонкій лоскъ французской вѣжливости, проглядывала неукротимая свирѣпость скина. Когда онъ проходилъ по маленькой гостиной, касаясь потолка своимъ тупеомъ, дѣвушки шептали одна другой со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и ужаса, что это счастливый любовникъ своей августѣйшей властительницы, принимавшій главное участіе въ переворотѣ, которому она обязана своимъ трономъ.

Съ этими знаменитостями смѣшивались всѣ замѣчательнѣйшіе образцы львовъ — родъ дичи, за которой охотятся въ Лондонѣ каждой весной съ болѣею энергіей и постоянствомъ, чѣмъ самъ Мельтонъ. Брюсъ, обмывавшій куски мяса, вырѣзанные изъ живыхъ быковъ, водою изъ Нильскихъ истоковъ, приходилъ хвастаться своими путешествіями. Омаи картавилъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ и вылъ—заставляя всѣхъ собравшихся музыкантовъ закрывать уши—отаитскія любовныя пѣсни, подобныя тѣмъ, которыми Оберея очаровывала своего Опано.

Врядъ ли можно сказать, что Франсизъ вмѣшивалась въ литературное и фешьёнебельное общество, сходившееся порой подь кровлей д-ра Борни. Она не была музыкантшей и потому не могла принимать участія въ концертахъ. Она была застѣнчива почти до неловкости, и врядъ ли когда вмѣшивалась въ разговоръ. Малѣйшее замѣчаніе посторонняго смущало ее, и даже старые друзья отца, пытавшіеся завлечь ее въ разговоръ, рѣдко могли добиться чего-нибудь, кромѣ «да» или «нѣтъ». Она была мала ростомъ, и не отличалась красотой. Поэтому ей позволяли спокойно удалиться на задній планъ и, не будучи вовсе замѣченной, наблюдать все, что происходило. Ея ближайшіе родственники знали, что она обладаетъ здравымъ смысломъ, но, кажется, не подозрѣвали, что подь ее степеннымъ и застѣнчивымъ видомъ таились плодовитая изобрѣтательность и острое чутье смѣшнаго. Правда, у нея не было способности замѣчать тонкіе оттѣнки характера; но всякая рѣзкая особенность немедленно обращала на себя ея вниманіе и запечатлѣвалась въ ея воображеніи. Такимъ образомъ, будучи еще дѣвочкой, она накопила такой богатый запасъ матеріаловъ для вымысла, какой немногіе изъ бывающихъ часто въ обществѣ способны собрать въ продолженіе всей жизни. Она наблюдала и слушала людей всѣхъ классовъ, начиная отъ принцевъ и важныхъ государственныхъ людей, до артистовъ, жившихъ на чердакахъ, и поэтовъ, коротко знакомыхъ съ подземными тавернами. Передъ нею проходили сотни замѣчательныхъ лицъ: англичане, французы, нѣмцы, итальянцы, лорды и скрипачи, деканы соборовъ и директоры театровъ, путешественники, водившіе съ собой вновь пойманныхъ дикарей, и пѣвицы, сопровождаемыя вице-мужьями.

Впечатлѣніе, сдѣланное на умъ Франсизъ обществомъ, которое она обыкновенно видѣла, было такъ сильно, что она начала писать маленькіе, вымышленные рассказы, лишь только стала свободно владѣть перомъ. что, какъ мы уже говорили, случилось не очень рано. Эти исторіи доставляли удовольствіе ея сестрамъ, но докторъ Борни ничего не зналъ объ ихъ существованіи; а съ другой стороны ея литературныя стремленія встрѣтили серьезный отпоръ. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, ея отецъ женился вторично. Новая м-зъ Борни скоро открыла, что ея падчерица—охотница марать бумагу, и прочитала ей нѣсколько добродушныхъ проповѣдей на этотъ счетъ. Совѣтъ былъ, несомнѣнно, благонамѣренный, и могъ быть данъ самымъ разсудительнымъ другомъ, потому что, въ это время, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ, ничто не было такъ неблаговидно для молодой леди, какъ быть извѣстной за сочинительницу повѣстей. Франсизъ уступила, отказалась отъ своихъ любимыхъ занятій и сожгла всѣ рукописи. (а)

Теперь она усердно занималась шитьемъ съ завтрака до обѣда. Но обѣды тогда были ранніе; а все послѣобѣденное время принадлежало ей. Хотя она отказалась отъ писанія повѣстей, но все-таки любила работать перомъ. Она начала писать дневникъ, и завела обширную переписку съ человѣкомъ, который, кажется, принималъ главное участіе въ образованіи ея ума. Это былъ Самюэль Криспъ, старинный другъ ея отца. Его имя, назадъ тому почти сто лѣтъ, хорошо извѣстное въ самыхъ блестящихъ лондонскихъ кружкахъ, давно забыто. Но его исторія такъ интересна и поучительна, что соблазняетъ насъ сдѣлать маленькое отступление.

Задолго до рожденія Франсизъ Борни, м-ръ Криспъ вступилъ въ свѣтъ, при весьма выгодной обстановкѣ. Онъ имѣлъ хорошія связи и хорошее образованіе. Его лицо и фигура были замѣчательно красивы, манеры изящны, средства достаточны, репутація

(а) Здѣсь есть неточность относительно хронологіи. «Эта жертва, говоритъ издатель *«Дневника»*, сдѣлана была молодой писательницей на ея пятнадцатомъ году.» Этого не могло быть; потому что жертва была, по собственному показанію издателя, результатомъ убѣжденій второй м-зъ Борни, а Франсизъ былъ шестнадцатый годъ, когда совершился второй бракъ ея отца.

безукоризненна, онъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, много читалъ, хорошо говорилъ, его вкусъ въ литературѣ, музыкѣ, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ пользовался высокимъ уваженіемъ. Повидимому онъ имѣлъ все, что свѣтъ можетъ дать для счастья и почета человека. недоставало только, чтобы м-ръ Криспъ понималъ предѣлы своихъ силъ и не бросалъ бы то, что было въ его средствахъ, гонясь за отличіями, недостижимыми для него.

«Неоспоримая истина, говоритъ Свифтъ, что человекъ, вѣрно понимающій собственные таланты, всегда станетъ на мѣстѣ, а человекъ, ложно понимающій ихъ, всегда будетъ не на мѣстѣ.» Каждый день приноситъ намъ новыя подтвержденія вѣрности этой мысли; но мы не помнимъ лучшаго комментарія къ ней, какъ исторія Сэмюэля Криспа. Люди, подобные ему, имѣютъ свое собственное и чрезвычайно важное мѣсто въ литературномъ мірѣ. Сужденіемъ ихъ окончательно опредѣляется мѣсто авторовъ. Не въ толпѣ и не въ тѣхъ немногихъ, которые одарены великимъ творческимъ гениемъ, должны мы искать основательныхъ критическихъ рѣшеній. Толпа, не знакомая съ лучшими образцами, плѣняется глѣмъ, что оглушаетъ и ослѣпляетъ ее. Она покинула м-сь Сиддовсъ, чтобы бѣжать за мастеромъ Бетти, и теперь, безъ сомнѣнія, предпочитаетъ Джакъ Шеппарда фонъ Артевельду. Съ другой стороны, человекъ съ великимъ оригинальнымъ гениемъ, человекъ, достигшему превосходства въ какой-нибудь высшей отрасли искусства, далеко нельзя безусловно вѣрить въ сужденіи о чужихъ произведеніяхъ. Ошибочныя рѣшенія подобныхъ лицъ безчисленны. Обыкновенно предполагаютъ, что зависть дѣлаетъ ихъ несправедливыми. Но не трудно найти объясненіе, дѣлающее имъ болѣе чести. Самое превосходство творенія показываетъ, что нѣкоторыя изъ способностей автора развивались на счетъ остальныхъ, потому что человеческому уму не дано широко развиваться заразъ во всѣхъ направленіяхъ и быть въ одно и то же время исполненнымъ и соразмѣрнымъ во всѣхъ частяхъ. Тотъ, кто ищетъ преобладанія въ одномъ какомъ-нибудь искусствѣ, даже въ одной отрасли какого-нибудь искусства, обыкновенно предается съ напряженнымъ энтузіазмомъ достиженію исключительно этого рода совершенства. Поэтому, его пониманіе другихъ родовъ совершенства слишкомъ часто бываетъ